

**"ПЕТЕРБУРГСКИЙ ХЛЫЩ"
КАК МОДЕЛЬ МУЖСКОГО ПОВЕДЕНИЯ**

Историко-культурологические исследования последних лет существенно углубили наше понимание города как социального театра со своим набором сложившихся "амплуа". Работы Р. Сеннета, М. Ямпольского и быстро завоевавший популярность фундаментальный труд О.Д. Вайнштейн о денди продемонстрировали плодотворность и увлекательность такого подхода. В настоящей статье сделана попытка привлечь внимание к одному из таких социальных амплуа, характерному для городской, а можно сказать – специфически петербургской – жизни нескольких десятилетий XIX в.

В XIX столетии сложился – в глазах москвичей и провинциалов – отрицательный образ Петербурга как города бюрократического, холодного, давящего. Иван Аксаков писал в 1848 г.: "Вы не поверите, какое тягостное впечатление производит на меня Петербург. Это оскорбительное великолепие, эти громады, воздвигнутые какою-то страшною, наглою силой, это отсутствие всякой религиозной физиономии, эта страшно развитая удобственность чисто материальных благ, – все это давит, болезненно давит душу. Но что могло бы привести в отчаяние при искренней вере в судьбу России, это именно слышимое и чувствуемое присутствие какой-то страшной силы во всем развратном быте Петербурга" (Аксаков 1889: 5–6). Характерно, что "страшная сила" виделась Аксакову не столько даже в "громадах", сколько в самом быте Петербурга, определяемом как "развратный". "Лицемерие света, бездушные канцелярий", "чинопочитание и угодливость" – вот почти обязательные мотивы в характеристиках Петербурга.

Петербург воспринимался как город правительственных учреждений и канцелярий, образовавших иерархическую структуру, определявшую весь уклад жизни города.

Но при этом достаточно рано – в первые десятилетия XIX в. – утвердилось понимание второго фокуса петербургской жизни, второго средоточия власти и влияния – улицы. Н.И. Страхов писал уже в 1810 г. о Невском проспекте: "Приезжий из далекой и уединенной стороны, видя себя на сей улице без пристанища, друзей, покровителей, знакомых, экипажа и стола, в один час все то находит" (Страхов 1810: 27). Множество бытописателей Петербурга посвятили страницы описанию напряженной жизни Невского проспекта, набережных, бульваров. Прогулка в определенные часы по определенным улицам – важнейший элемент социальной жизни Петербурга, совершенно особое занятие, требующее умения и природных талантов. При этом – занятие специфически мужское, поскольку, как отметил Т. Готье, "в основном поражает пропорционально малое число женщин на улицах Санкт-Петербурга. Как на Востоке, только мужчины имеют привилегию выходить в город. Прямо противоположно тому, что вы видите в Германии, где все женское население города постоянно на улице" (Готье 1988: 49).

Поскольку прогулка воспринималась как самостоятельный социальный институт, противостоящий официальным институтам власти и карьеры, специфический интерес в этом контексте приобрела фигура фланера – своего рода профессионального служителя прогулки, так же, как чиновник профессионально служит канцелярии. Если в первой половине XIX столетия этот тип воспринимался как экзотический, "в других больших городах есть немало жителей, не имеющих иной цели и занятия, как только прожить свои скромные доходы, наслаждаясь беззаботною уличною жизнью. Этих *фланеров*, особенно в Париже так много, что они составляют необхо-

димую принадлежность города и не обращают на себя внимания. Но Петербург – город по преимуществу деловой; на улицах вы видите как все торопятся, как и пешком, и в экипажах спешат: кто по делу, кто в должность, на службу. Чистокровных фланеров так немного, что те, которые появляются, привлекают к себе общее внимание и прозываются *оригиналами*, наравне с другими чудаками, отличающимися какой-нибудь эксцентричностью" (Воспоминания... 1883: 38). Но уже три десятилетия спустя подобный тип воспринимался как привычный и даже характерный для Петербурга: «Быть может, да и наверное следует сказать, что и в других наших больших городах нет недостатка среди обеспеченного и так называемого "образованного" класса в кочевых, гуляющих элементах, прожигающих жизнь в беспросыпном, более или менее прихотливом тунеядстве и в увеселительном бродяжничестве; но несомненно нигде эти элементы не достигли такой солидной организаторской группировки, такой систематичности *haute école*, в распоряжении финансами, силами и средствами, как в Петербурге» (Михневич 1884: 47).

Мне хотелось бы привлечь внимание к одной специфически петербургской разновидности фланеров, известной в литературе под именем хлыщ. Считается, что ввел этот термин – именно как термин, обозначающий определенную социальную категорию, хотя слово было известно и раньше, И.И. Панаев. Заслуга этого полузабытого автора прежде всего в том, что он одним из первых обратил внимание на многообразие социальных типов, выработанных столичной жизнью и специально поставил своей целью описание петербургской "зоологии". На этом пути Панаев выпустил в 1856 г. серию очерков под названием "Хлыщ". В серию вошли очерки "Великосветский хлыщ", "Провинциальный хлыщ", "Хлыщ высшей школы". И в первом из названных очерков, подробно описав некоего господина сомнительных нравственных качеств, Панаев заключил свой этюд следующей сценкой: «Спрашивается, как же назвать такого молодца? – спросил глубокомысленно Пруденский ... В числе присутствующих тут в эту минуту находился господин, чрезвычайно веселый, юморист и славный рассказчик. – "Я знаю, как, – возразил он. – Это *хлыщ*! Таких господ надобно непременно звать *хлыщами*. – Что такое? – воскликнул Алексей Алексеевич, расхохотавшись, – как? как? Повтори-ка еще.

– *Хлыщ*! – Да что же такое это значит? Какое это слово? Откуда оно? Я в первый раз его слышу. – Ну, об этимологии его вы меня, пожалуйста, не спрашивайте. Я не знаю. Это сорвалось у меня с языка; но мне кажется, что оно совершенно характеризует такого рода господ, как, например, ваш барон". Нам очень понравилось это слово; мы приняли его без возражений и пустили в ход. Теперь оно, по нашей милости, начинает распространяться» (Панаев 1912. Т. 4: 121–122). Панаев многократно обращался к фигуре петербургского хлыща, создав своего рода систематическое его описание. Нужно добавить, что, по общему мнению современников, сам Панаев был достойным образцом хлыща, и, таким образом, его методичное исследование этого петербургского типа можно рассматривать как итог "включенного наблюдения". В словаре В.И. Даля хлыщ определяется через ряд синонимов: "Хлыщ (м.) – хлыст, фат, франт, щеголь, повеса, басист" (Даль 2000: 1194–1195). Вместе с тем довольно скоро были определены специфические качества хлыща, отличающие его от простого щеголя или фата. "Назвав моего друга Илью Ивановича хлыщеватым человеком, я говорил более для красоты слога. Приятель мой хотя был *снобсом* по преимуществу, но неблагозвучного имени хлыща не заслуживал. Илья Иванович, не имея в себе нахальства, дерзости, сухости хлыща, был добр и доверчив, как ребенок, одевался скромно, хотя и отлично; но слабость его состояла в том, что он мог назваться фанатиком, страдальцем, слепым почитателем, отчаянным поклонником моды" (Дружинин 1867: 149).

Каковы же черты петербургского хлыща? Прежде всего это вездесущность, не только в том смысле, что хлыщ появляется на всех сколько-нибудь значимых событиях, но и способность проникать в разные социальные круги. "Он был одним из неизбежных лиц на всех гуляньях, во всех театрах, маскарадах, танцклассах, везде, где проявляется

публичная жизнь, и тотчас со всеми попадавшимися ему лицами заводил знакомства, не разбирая сословий и одинаково обращаясь с богатыми и бедными, с высшими и низшими, с умными и с тупоумными. Он не имел и тени тщеславия, которым почти все мы были заражены более или менее, и потому с ним всегда было легко; он сыпал остротами и каламбурами, знал все петербургские анекдоты, говорил без умолку, был постоянно в веселом расположении духа и умел смеяться не только над другими, что очень легко, но даже над самим собою, что очень трудно. Я не встречал в моей жизни человека, который имел бы такое разнообразное и обширное знакомство, какое имел он" (Панаев 1912. Т. 4: 505). Добавим также, что герой "знал везде все уголки и закоулки и по именам лакеев во всех ресторанах и капельдинеров во всех театрах".

Хлыщ – не просто завсегдатай всех социально важных событий, происходящих в городе, он прежде всего хозяин публичного пространства города. Данную роль хлыщ должен был постоянно доказывать в различных критически важных локусах этого пространства. Например, в модном ресторане: «В этот день я обедал у Донона. Против меня сидели два молодых человека, неизвестных мне. Они разговаривали очень умно, смешивая русскую речь с французскими фразами, пересыпали разговор блестящими аристократическими именами, одеты были франтовски, называли всех лакеев по именам, обращались к самому Донону с дружеской фамильярностью, несмотря на то, что Донон оказывал им совершенное хладнокровие, и посматривали на меня и на других обедавших в этой комнате с таким выражением, как будто хотели сказать: "Что вы за люди? Откуда вы?"» (Панаев 1912. Т. 5: 257). Подчеркнуто здесь то, что молодые люди всячески демонстрируют свое положение "инсайдеров", хозяев публичного пространства, определяющих место других. Но и обращение с ними Донона, и то, что они сразу определяются рассказчиком как "два молодых человека, неизвестных мне" явно говорят об игре, о необеспеченности претензий.

Еще важнее для демонстрации своих претензий театральная зала. Тут труднее привлечь к себе внимание, чем в ресторане, и потому все поведение хлыща направлено на то, чтобы, так сказать, переиграть актеров и перевести взгляды публики со сцены на партер. «Я особенно любил его в театре. Он никогда не входил в театральную залу прежде половины первого акта. Со своим вечным стеклышком, всегда во фраке, а иногда в белом галстуке, в такие вечера, когда были большие балы, он волочит бывало ноги, несколько раскачиваясь, и посматривает беспечно кругом на ложи и на кресла в свое стеклышко. Дорогою поклонится какой-нибудь великолепной даме, дружески кивнет головой в пух разряженной m-lle Камиль, улыбнется с едва заметною гримасой также в пух разряженной Дарье Александровне, скажет приятно, сидящему в креслах, довольно громко, так, чтобы все слышали: "А ты сегодня на бале? Едем отсюда вместе". И довольный произведенным им эффектом, разляжется в кресле. Во время спектакля он еще непременно начнет разговор знаками с m-lle Камиль или с Дарьей Александровной, так, чтобы все это заметили и все видели его отношения к этим дамам. Щелканов в каждую данную минуту рисовался и усиливался обращать на себя внимание» (Панаев 1912. Т. 4: 40–41).

Этот "театр в театре" лишь одно из проявлений общей стратегии поведения, характерной для хлыща. «У него было рассчитано каждое движение, каждое слово, каждый взгляд; он как будто беспрестанно боялся, чтобы его хотя на мгновение не смешали со всеми, и, казалось, говорил толпе: "Между мною и вами нет ничего общего. Не подходите ко мне близко, но, если хотите, любуйтесь мною издали!". Он в то же время добивался изо всех сил, чтобы казаться совершенно равнодушным ко всему и несколько утомленным жизнью, боялся обнаружить какое-нибудь внутреннее движение или чему-нибудь удивиться...» (Там же: 41). Однако сценой для хлыща являлись не столько зрительные залы и рестораны, как городские улицы. Поэтому сам внешний облик хлыща, его, так сказать, абрис должен был выделять его из толпы. "Сложен он был очень недурно, но держался странно, как будто бы все члены его ослабли, завяли или развинтились: голова, казалось, едва держалась на плечах,

руки болтались, опущенные, спина была несколько сторблена. С первого раза можно, пожалуй, было принять его за больного, но стоило только попристальнее взглянуть на него, чтобы совершенно разубедиться в этом. Смуглое лицо его выражало, напротив, цветущее здоровье и несомненную силу. Человек простой призадумался бы при этом странном явлении, а для человека светского оно не казалось несколько странным и объяснялось очень легко и просто довольно странным словом – *шик* (du chic). В самом деле, эта слабость, завялость или развинченность, как хотите, была – *шик*" (Панаев 1912. Т. 8: 20–21).

Улица давала множество дополнительных возможностей для самопрезентации, например, при встрече со знакомым. "Он кланяется с удивительным разнообразием, смотря по степени важности и значения человека в свете. В Китае он был бы великим человеком. Ему бы надо родиться в Пекине, а не в Петербурге. Самым значительным кланяется он, наклоня голову в пояс и потом медленно приподнимая ее и смотря им прямо в глаза с выражением в зрачке умиления, смешанного с безграничной преданностью; перед менее значительными он наклоняет голову до ложечки, а на лице у него в это время изображается улыбка, выражающая глубочайшее почтение; равным себе он только трясет головою, приятно улыбается и в то же время прикладывает руку к губам; для низших и малозначительных у него тысячи оттенков в поклоне: иным он кланяется, прикасаясь рукою к полям шляпы и сохраняя строгую важность в физиономии; другим – только до половины приподнимая руку; а при встрече с самыми последними, с самыми маленькими, по его мнению, он только делает вид, что желает пошевелить руку для поднесения ее к шляпе. У него, впрочем, еще больше этих подразделений; я вам говорю только о самых характеристических: мне он поклонился как человеку, которого он знает с детства, с которым встречается в свете – это выражается у него болтанием руки на воздухе и легкой улыбкой. Хитрый ведь господин! ...Не правда ли?" (Панаев 1912. Т. 8: 46–47).

Но подобная "невербальная семиотика" – лишь один аспект языка петербургской прогулки. Другой, не менее важный контекст, т. е. то, с кем вы прогуливаетесь. "Я был счастлив, когда гулял по Невскому рука в руку с каким-нибудь блестящим господином. Несколько раз, прогуливаясь с одним из таких и встретив вас, я был внутренне в восхищении, что вы встретили меня именно с ним... Если мне попадались где-нибудь на гулянии ваши Мины Александровны, Луизы, Берты и прочие, когда я шел с человеком неизвестным и плохо одетым, мне становилось неловко и досадно, хотя они меня почти не знали и я не имел на них никаких видов" (Панаев 1912. Т. 5: 208).

Вместе с тем такой стиль городского поведения – лишь одна ипостась хлыща. Другая – некая социальная ущербность, необеспеченность претензий, обязательный налет шарлатанства. "У него очень привлекательная наружность: густые, белокурые волосы ниже ушей с завитками на концах, у него большие голубые глаза с выражением томным и как будто просящим чего-то. Он одет по моде, на нем брелоки, драгоценные кольца и цепочки. Правда, все это в таком изобилии, которое бросает некоторую тень на его порядочность; правда, манеры его как-то уж слишком сладки, движения слишком измельчены, он уж слишком щеголяет своими глазами, кольцами и брелоками, чего не делают порядочные люди; правда, весь он пропитан какими-то сильными духами, которые порядочные люди не употребляют и пропитан до того, что мог бы с успехом заменять в комнатах курительные бумажки, платки с одеколоном и другие благовонные снадобья; но все-таки он слывет порядочным человеком" (Там же: 310). "Это было очень давно... я был на каком-то обеде, на котором присутствовал и этот сладкий господин и на котором все пили *на ты* по желанию хозяина. Месяц спустя после этого обеда, я встречаюсь с ним и говорю ему вы, а он перебивает меня с улыбкою: – Разве ты забыл, – говорит, – душа моя, что мы пили на ты? – Нечего делать, с тех пор мы так и остались на ты" (Там же: 311). Важный мотив – "феномен Феликса Круля", склонность переходить из одного социального круга в другой: "Литераторы не любят Веретенникова, потому что перед ними он корчит светского человека и все

толкует о своих приятелях князьях, графах и баронах; а светская молодежь смеется над ним, потому что в кругу ее корчит литератора" (*Панаев* 1912. Т. 8: 20). "Он променял общество своих сверстников, которые начинали смотреть на него не совсем приветливо, на ватагу шумной молодежи, которая приняла его с распростертыми объятиями и перед которой он хвастал и ломался немилосердно, не прибегая даже к хитростям для закрытия этого хвастовства. Он приобрел между ними значительный авторитет, потому что представил их ко всем возможным Камиллам и Дарьям Александровнам, где был как дома. Под тридцать лет сделался для этих господ театралом и не пропускал ни одного балета, неразлучно обедал и ужинал с ними в ресторанах и для укрепления своего авторитета даже пил вместе с ними, хотя не чувствовал никогда к вину ни малейшего расположения" (*Панаев* 1912. Т. 4: 42).

Хлыщ – это прежде всего социальный тип. Отсутствие устойчивого социального статуса, а в Петербурге он определялся только тремя обстоятельствами: положением при дворе, положением на службе, положением в свете, вынуждало хлыща восполнять реальный статус множеством поверхностных социальных контактов, дающих определенные, хотя и недолговечные, социальные преимущества. Отсюда и упоминавшиеся выше "нахальство, сухость и дерзость" настоящего хлыща.

Характерная черта мира хлыщей – специфическая зоркость, умение не только "читать толпу", но и "читать" отдельных персонажей этой толпы. Выражение походки давным-давно определено на Невском, где наблюдательность развита больше, чем думают; так, например, если вы шагаете так же быстро, как Свистулькин, но вместо того, чтобы оборачиваться назад, бросаете рассеянные взгляды направо и налево, скажут, что вы ни о чем не думаете; вы можете, впрочем, прослыть тогда за очень милого молодого человека; вы размышляете о настоящем вашем положении, когда устремляете взор вперед; о прошедшем – когда смотрите вниз, о будущем – когда смотрите вверх; медленные, ровные и как бы вымеренные шаги обозначают солидность и некоторую независимость состояния; перекачиванье с ноги на ногу – нерешительность и запутанные обстоятельства; походка с припрыжкой выражает глупое самодовольство и ветреность и т.д. Но боже упаси, если вы, подобно Свистулькину, будете оглядываться поминутно назад: всякий тотчас же заключит, что вас преследует кредитор" (*Григорович* 1952: 198–199).

Даже традиционное внимание к одежде и манере одеваться получает дополнительную глубину. "Трогательно было видеть, как обходился он со своей шляпой: он никогда не прикасался пальцами к передней части борта, но всегда приподымал ее, взявшись за боковые края; публичные увеселения, как то выставки и концерты, где при входе снимают шляпы, которые при выходе оказываются превращенными в блин, редко посещались молодым человеком. Шляпные эти эпизоды более важны, чем думают; все части туалета, начиная с сапог, жилетов, галстуков и кончая завивкой, часто обманывают нас касательно финансового состояния их владельца: шляпа, заметьте, никогда не обманет; шляпа единственный предмет мужского туалета, который нельзя взять в долг; он покупается не иначе, как на чистые деньги (Там же: 184).

Специфическое значение предметов одежды обыграно в истории наказания гордыни, придуманной англоманом А.В. Дружининым:

– В моем кармане есть старые теплые перчатки: пройдешь ли ты со мной по Невскому, если я их надену?

– Ни за что в мире! возгласил Александр Иваныч и боязливо поглядел на мои руки (*Дружинин* 1867: 252).

И далее характерный пассаж: "Любопытно было проследить за тем, как вся его фигура изменялась с каждым шагом, отделявшим от меня нашего денди. Меня он боится и при мне старается вести себя скромнее; но тем заметнее бывает изменение, о котором я говорю. С первым шагом от меня мой Александр Иваныч стал другим Александром Иванычем. Шляпа его как-то дивно склонилась к правому виску, стеклышко, до толе скрываемое за лацканом пальто, заболталось на самой груди, левый рукав паль-

то будто сам собою небрежно отогнулся, обнаружив таким образом маленькую руку и на руке отлично пригнанную перчатку. Какой-то юноша скромного свойства вежливо поклонился Александру Иванычу; в ответ на поклон, наш фат оглядел юношу с носка сапогов до шляпы и не поклонился, а выразил на лице какую-то насмешливую полуулыбку. Зато, когда богач Антон Борисыч небрежно кивнул головой нашему денди, Александр Иваныч весь зашевелился, но сдержал свои порывы и послал рукою воздушный поцелуй Антону Борисычу". За такое неприкрытое, плебейское, поведение, придумана была месть, вполне в духе хлыщей.

"Надо сказать публике, что, по странной игре судьбы, компания друзей Ивана Александрыча обладает целой коллекцией отвратительнейших шинелей и шуб, потертых, крашенных, облезших. Шуба Халдеева считается первою по безобразию, и он ее не только надел на этот раз, но еще подпоясал красным фуляром. Пайнов был в гороховой дедовской шинели, на которой, уподобляясь грибам на пне, нарастали крошечные воротники один над другим; всех же воротников имелось шестнадцать...

Так держали мы Александра Иваныча от трех до пяти часов, сдавая его с рук на руки и увеселяясь его страданием. Дамы, встречаясь с нами, глядели на нас и прищуривались; кавалеры отстранялись от нас не без ужаса; из многочисленных знакомцев Александра Иваныча поклонился ему только один – тот самый юноша, которого он еще вчера огорошил своим невежливым взглядом!" (Там же: 254–256).

Пафос нравоописательной литературы направлен был на разоблачение, осмеяние хлыща, но сегодня очевидна роль этой фигуры в создании целостной системы городской жизни, в формировании "города привычных лиц", дававшего сдержанным петербуржцам ощущение взаимной сопричастности.

Подведем итоги. В чем же принципиальная специфика "хлыща" как социального ампула? Как уже отмечалось, "хлыщ" выпадал из сложившейся системы социальных связей, основанной на покровительстве или капитале. Вместо этого лихорадочно создавались и фиксировались эфемерные социальные достижения: взгляды, поклоны, улыбки. Рисунок внешнего поведения, обстоятельно изученный О.Б. Вайнштейн в связи с фигурой денди, у хлыща приобретал схожий, но внутренне необеспеченный характер. Это своего рода городская пародия на денди. Вполне закономерно, что комический мотив разоблачения почти неизбежен в литературных описаниях "хлыща". Назидательный Григорович заставил своего Свистулькина безуспешно пытаться завязать разговор со светским львом и постоянно наткнуться на кредиторов – сапожника, портного и т.д.

Балансирование "на грани" – принципиальная черта поведения "хлыща". Сформировавшийся в городской среде слой "праздношатающихся" (в Петербурге он получил название – Бродячий Петербург) не просто перемещался от одного городского мероприятия к другому, но перемещался внутри городской социальной структуры, не закрепляясь прочно нигде. Улица и другое публичное пространство города были для "хлыща" единственным полем самореализации.

Литература

- Аксаков 1889 – И.С. Аксаков в его письмах. Т. 2. М.; Пб., 1889.
Страхов 1810 – Страхов Н.И. Мои петербургские сумерки. Ч. 1. СПб., 1810.
Готье 1988 – Готье Т. Путешествие в Россию. М., 1988.
Воспоминания... 1883 – Воспоминания А.О. Пржецлавского // Русская старина. Т. 39. № 8. 1883.
Михневич 1884 – Михневич В.О. Картинки петербургской жизни. Пб., 1884.
Панаев 1912 – Панаев И.И. Собр. соч. В 8 т. Т. 4. М., 1912. (Ссылки даются по этому изданию).
Даль 2000 – Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 2000.
Дружинин 1867 – Дружинин А.В. Соч. Т. 8. СПб., 1867.
Авсенко б.г. – Авсенко В.Г. Из-за благ земных. Пб. (б.г.).
Григорович 1952 – Григорович Д.В. Свистулькины // Русские повести 40–50-х годов 19 века. Т. 1. М., 1952.